

К 160-летию Редьярда Киплинга
(1865–1936)

НЕТ ВОСТОКА, И ЗАПАДА НЕТ

Сегодня у нас к месту и не к месту охотно приводят слова Киплинга о Западе и Востоке, не утруждая себя тем, чтобы вчитаться в продолжение этих строк. А ведь как истинный поэт, Редьярд Киплинг провидел будущее. Вот как доподлинно звучит начало знаменитой баллады:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток.
И с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный Господень Суд.
Но нет Востока, и Запада нет,
что племя, родина, род,
Если сильный с сильным к лицу
у края земли встает.*

(Перевод Е. Полонской)

То есть, если исключить внезапный, выше сил человечества, всесокрушающий природный катаклизм, Запад и Восток в лице живых людей, их союзов, уважающих достоинство друг друга, всегда между собой договаряются. Об этом и сюжет данного произведения, призывающего к братству, а не к лобовому противостоянию.

Логика мирового развития ведет именно к этому, и здесь Киплинг, которому уже сто шестьдесят лет, намного мудрее, прозорливее и выдержанней политиканов, не видящих дальше собственного носа, и мякиноголовых футурологов, стенающих Кассандр на обоих полушариях, пугающих нас концом света.

Именно он, Киплинг, одним из первых среди гигантов духа выдвинул идею планетарного диалога, воплотив его стороны в образы колоритных сыновей Запада и Востока. Впоследствии, в преддверии стыка веков и тысячелетий, эту формулу повторил и развил наш казахстанский поэт и мыслитель Олжас:

*Нет Востока, и Запада нет –
Два сына есть у отца!*

Чеканные строки нашего современника напоминают мне и гётевскую мысль о том, что и Восток, и Запад – одинаково под крылом у Бога.

* * *

В детстве я, естественно, как и многие мои сверстники, зачитывался его историей Маутгли. Она была похожа на мою – я сам родился и рос в джунглях, только не в Индии, а в дельте Волги – эдакой сельве, напоминающей дебри Амазонки. Там моими друзьями были кабаны, бакланы, черепахи, лотосы и... йети. Да-да, утверждаю, что в непролазных чащобах Астраханского заповедника водился, да и сейчас, пожалуй, водится тот самый «снежный человек», о котором ходит столько легенд. Его у нас называли «албасть». Киплинговские

«Книги джунглей» я прочитал позже, когда наша семья перебралась ближе к городу и я пошел в школу, и этот мальчик-дикарь со всем своим окружением живо напоминал мне мое счастливое малолетство, вызывающее с годами всё более жгучую ностальгию.

Так вот – я до умопомрачения любил сказки Киплинга и его «Отважных капитанов» – эти вещи щедро издавались в стране, которая, не перенося милитаристский и империалистический дух остальных произведений автора, как тогда это однозначно трактовалось, баловала детей и юношество сочинениями Киплинга благородно-романтического толка. И одной из первых книг, прочитанных мною потом моим маленьким сыновьям, была именно история Маугли в сопровождении серии прекрасных пластинок фирмы «Мелодия».

Когда подросток, мне попались в руки вещи посерьезнее – рассказы из сборников «Пути и открытия», «Множество людей», «Награды и феи», «Рассказы о суше и о море» и другие. И я, поневоле противясь своему «красногалстучному» заквасу, вошел в мир отважных героев – авантюристов, солдат удачи, джентльменов, несших в темные туземные массы миссию неких просветителей, воспитателей, исправителей диких нравов... Меня увлекали ветры семи морей, романтика битв, солдатских походов, неистовое желание исходить белый свет – пусть в грубой обуви искателя приключений, знаменосца революции или империи, утверждающего незыблемые, не подвергаемые сомнению идеалы.

*И только пыль, пыль, пыль
Из-под шагающих сапог.
И отдыха нет солдату.*

Я и в армию-то пошел с удовольствием, прервав на время учебу в университете, служил военным корреспондентом и чуть было не угодил в гущу памятных чехословацких событий 1968 года, да бог миловал... И как поэт начался именно чем-то вроде последователя Киплинга, только на наш отечественный советский манер. Ему надо было распространить британскую ойкумену на весь мир, а моему герою, наоборот, поправ ту, давно отжившую, как думалось, англосаксонскую державность, теми же методами сделать так, чтобы эта ойкумена была наша, чтобы условно, говоря словами одного хорошего поэта задолго до меня, «от Японии до Англии сияла Родина моя». Мне киплинговский настрой был симпатичен всем: и музыкой, и сочным языком, и мужественными образами, и суровой скупостью красок, и живой, кинематографической сменой действия, географических широт и временных пластов. В какой-то степени это сохранилось, мне кажется, в моем творчестве и поныне.

Особенно впечатлило меня впервые прочитанное еще в ранней молодости его программное стихотворение «Заповедь». Здесь он объяснил окружающим себя и окружающих – им самим, если в них есть стремление быть на земле человеком. Многие в этих строках звучало для меня мужественно и мудро, но только сейчас, пройдя через многие перипетии, соблазны и кривотолки бытия, я понимаю, насколько выношенным и важным было для автора это произведение. Это поистине манифест личности, проникнутый уважением к равным себе и исполненный внутреннего благородства и человечности, обращение к тем, кто идет следом.

К этой высоте он шел всю жизнь. Но, думаю, Нобелевская премия, присужденная Киплингу одному из первых еще в начале минувшего века, была уже заслуженной. Им зачитывался весь просвещенный мир. Он поднимал свою державу, держава поднимала его. А. И. Куприн в своей статье-отклике на присуждение той высокой награды писал: «...страна, национальный гимн которой кончается прекрасными словами, заставляющими нас, русских, плакать от бессильного волнения, –

*Никогда, никогда, никогда
Англичанин не будет рабом, –*

только такая страна... могла породить свою нынешнюю национальную славу – Редьярда Киплинга...» А вот что писал современник поэта эссеист Леонард Вулф: «... то ли Киплинг лепил характеры англо-индийцев, то ли мы сами лепили свои характеры по образцу киплинговских героев».

Какими бы ярлыками – «завоеватель», «хищник», «рабовладелец» и т. д. и т. п. – ни награждали поначалу Киплинга его пристрастные противники, в том числе и упомянутый А. И. Куприн, из его стихов и в особенности – прозаических шедевров, написанных уже после получения Нобелевской премии, вырастает весьма притягательный образ литературного героя и самого автора: человека чести, стойчески переносящего все невзгоды, стремящегося понять любого другого, независимо от цвета его кожи, языка, социального положения, человека долга, привычно несущего свой крест, не заботясь о наградах и не ожидая признания.

Хорхе Луис Борхес, которого я очень люблю, всю жизнь составлял личную, как он называл, «библиотеку симпатий» – из произведений наиболее почитаемых им авторов. Одним из них у великого аргентинца был Редьярд Киплинг, новеллы которого Борхес выстроил в солидный том, к нашему счастью, вышедший на русском языке. В предисловии он пишет: «Среди новелл этой книги нет, по-моему, ни одной, которая не была бы маленьким и абсолютным шедевром. Ранние на вид бесхитроствы, поздние явно сложны и многозначны. Ни те, ни другие не лучше, они разные... Каждая его строка взвешена и отделана с неторопливой тщательностью. Вначале его темами были море, звери, авантюристы и солдаты; в конце – болезни и возмездие... За долгие годы моей долгой жизни я, наверное, сотни раз читал и перечитывал рассказы, составившие эту книгу».

Сотни раз перечитывал... Поистине Мастера способен во всей полноте оценить только Мастер. Это какой же глубиной подачи, с одной стороны, и восприятия – с другой надо обладать, чтобы бесчисленное множество раз обеспечатывать такую объемную картину и ее видение.

Читателей, подобных Борхесу, у Киплинга и при жизни, и после его мучительного ухода в мир иной было всегда достаточно. Даже в разгар великого противостояния двух мировых систем, когда почитание «британского экстремиста» могло вызвать нежелательную реакцию властей в стране победившего социализма, находились известные литераторы, бравшиеся за переводы из Киплинга. Это, например, Константин Симонов, сделавший достоянием советского читателя некоторые стихотворные шедевры английского поэта, это Самуил Маршак, переложивший киплинговские баллады, в том числе и знаменитую «Сорок норд, пятьдесят вест», это Михаил Лозинский, переведший многогранный и глубокий текст «Заповеди». Правда, стихи Киплинга в Советском Союзе, соблюдавшем в отношении этого автора строго избирательный принцип, выходили тщательно отцензурированные и не всегда адекватные подлиннику. Даже широко известная песня «За цыганской звездой», исполненная в прекрасном фильме Н. Михалкова «Жестокий романс», вызвала у цензуры большие возражения, когда возникла необходимость указать в титрах, что это произведение Редьярда Киплинга. Это и понятно: нам всё время внушали, что британский империализм и великая советская держава – диаметрально противоположные по сути государства, и, соответственно, многое в творчестве апологета колониализма для нас не подходит. Теперь, по прошествии почти тридцати пяти лет после крушения родимой империи, как

никогда ясно, что кипплинговское «бремя белого человека» и наш бывший «пролетарский интернационализм» очень даже сходились в своих основных чертах. Иначе не было бы провального «Афгана», многомиллиардной помощи «третьему миру», исчезавшей там, как в прорве, возведения индустриальных монстров в порядке дара тамошним аборигенам в песках Сахары и в джунглях Индостана, помпезных строек на окраинах одной шестой части суши, напоминающих ныне своими остовами о нашей былой безудержной гигантомании. Всё это не укрепило, а постепенно обескровило режим, державшийся семьдесят с лишним лет.

От Британской империи осталось аморфное британское содружество наций, как и от Советского Союза – еще более аморфное «Содружество независимых государств». Всё проходит на белом свете. Но в отличие от порядков, которым волей-неволей мы все служим, вплоть до таких незаурядных личностей, как Киплинг, дело и значение отдельного человека способны пережить славу и величие могучих империй. Так произошло и с «неувядающим Редьярдом» (Т. С. Элиот), которого превозносили, потом поносили, затем поднимали, вновь охладевали, а новые поколения начинали любить его с новой силой. Причем в других странах, например, во Франции или в нынешней России, с куда большим энтузиазмом, чем на собственной Родине, мощь и жизненные соки которой он так воспел. Впрочем, это парадокс, приключающийся со многими гениями. «Нет пророка в своем Отечестве», – сказано давно и не нами.

Джордж Оруэлл, автор нашумевших романов «1984-й» и «Скотный двор», в середине прошлого века писал: «...Киплинг оказался в особом положении: более пятидесяти лет он был притчей во языцех. Прошли пять литературных поколений, в которых каждый просвещенный человек презирал его, и в конце концов девять десятых из этих просвещенных людей забыты, а Киплинг в определенном смысле еще жив...»

Да простит меня автор, предсказавший и обосновавший крах моей бывшей коммунистической отчизны, в которой говорили о верховном вожде, лежащем в Мавзолее, что он живет всех живых. Я сегодня скажу то же самое о Редьярде Киплинге. Он не просто современный, его творчество переживает новое осмысление, у его повестей, рассказов, стихов, вплоть до самых воинственных, открывают новый, еще не разгаданный смысл. И в этом свете он, Редьярд Киплинг, рядом с нами, о чем поэт, как бы предчувствуя свое незримое присутствие среди нас, писал:

*Я делил с вами хлеб и соль,
Вашу воду и водку пил.
Я с каждым из вас умирал в его час,
Я вашей жизнью жил.
Что осталось из вашей судьбы
В стороне от жизни моей?
Ни в тяжком труде, ни в горькой беде
За волнами семи морей?
Я так нашу жизнь описал,
Что людей забавлял мой рассказ...
Только мы с вами знаем, что шутка дурная:
Веселого мало для нас!*
(Перевод В. Бетаки)

Последние строки – пророческие. Надуманное «бремя белого человека», как бы ни тщились самозванные предводители мира в лице, к примеру, нынешней Америки, проходит или уже прошло. Как и миссия «красного» совет-

ского человека. Завтра может кто-то выдвинуть как актуальное «бремя желтого человека», а послезавтра – «бремя черного человека». Всё это искусственные построения, которые безжалостно рушит время.

А вот бремя просто человека, которое с честью и вдохновением нес Киплинг и отразил это в лучших своих вещах, будет с нами долго, многие века, пока жив наш людной мир. И он будет ценить те два свойства великого поэта, о которых очень точно сказал Куприн в своей статье о Киплинге – вечность и всечеловечество. Правда, автор «Гранатового браслета» и «Суламифи» отказал в этих качествах своему современнику, обвинив его в приверженности солдатскому тесаку и преходящим ценностям викторианской эпохи. А Паустовский был еще суровой, когда заявил, что «жизнь Киплинга – один из трагических примеров, как гений может погубить себя». Но каждый подлинный художник творит по законам, созданным им для себя, и мы, если хотим его понять, должны судить его по этим самым законам. Жизнь показывает, что оказался прав Киплинг, а не его хулители. И, читая его вещи в обстановке многократно изменившегося после его физического ухода от нас нынешнего мира (как-никак почти 90 лет!), всё-таки трудно отрешиться от мысли, что это был и есть тот самый гений, который принадлежит всему человечеству.

* * *

Как и Борхес, вновь и вновь обращаюсь к Киплингу.

*...Тот невысокий человек в очках,
Романтик странствий и фанат империи,
Не хочет отпускать меня никак
Опять в пучину моего безверия.
Живописует, убеждает он,
Что мир без идеала, пусть и ложного,
Бессмыслен, глуп; что это пустозвон
И пустоцвет, где жизни не заложено.
И лучше в маленькой твоей судьбе,
Отмеренной тебе сужденным временем,
Быть преданным Искусству и Борьбе,
И детским мифам, жизнью всей проверенным.
Но только в серой скуке не коснеть,
Не созерцать один лишь пуп бесценнейший –
Восток заплатанный и Запад денежный,
В одну дуду не скоро им дудеть.
А не дудеть – перевернется свет.
И он сегодня, несколько повернутый,
Идет к той правде. Значит, был он в корне-то
Пророком – рыцарь, стоик и поэт...*

САГИН-ГИРЕЙ

